

МУЛЛОНЕН Ирма Ивановна / MULLONEN Irma

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН / Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk
mullonen@krc.karelia.ru

**РЕЦ. НА КН.: Patronen O. Rajakarjalaisen suku
nimistön kehittyminen osana Suomen karjalankielisen ortodoksivähemmistön
suomalaistumista 1818—1925. Helsinki: Helsingin yliopisto, 2017. 519 s.***

REVIEW OF: Outi Patronen, *Rajakarjalaisen sukunimistön kehittyminen osana Suomen karjalankielisen ortodoksivähemmistön suomalaistumista 1818—1925* (Helsinki: Helsingin yliopisto, 2017), 519 p.

Ключевые слова / Keywords: Приграничная Карелия, православное население, финнизация, становление системы фамилий / Border Karelia, Orthodox population, Finnisation, surnames system's development.

Приграничная Карелия (фин. *Raja-Karjala*) — территория, историческая судьба которой неразрывным образом связана с длившимся столетия русско-шведским противостоянием. Хейкки Киркинен писал в своё время о четырёх кризисах карельской идентичности, через которые пришлось пройти населению этой порубежной территории на протяжении столетий: Ореховецкий мир (1323), Столбовский мир (1617), далее кризис идентичности времён финляндской автономии XIX — начала XX в. и четвёртый, связанный со Второй мировой войной¹. Исследование Оути Патронен «Становление системы фамилий в Приграничной Карелии как часть финнизации карелоязычного православного меньшинства 1818—1925» привязано преимущественно к периоду автономии, когда финляндские карелы испытывали влияние, с одной стороны, русификации, с другой — финнизации, выражавшиеся в разных формах и через разные институты — государство, церковь, школу и др. Патронен рассматривает становление системы официальных фамилий как одно из проявлений финнизации приладожских карелов. При этом стоит иметь в виду, что финский термин *suomalaistuminen*, вынесенный в название работы, означает в контексте данного исследования и пришедшее извне финское воздействие (фин. *suomalaistaminen*), и восприятие местным населением этого воздействия, адаптацию к нему. Процесс закрепления фамилий рассматривается на фоне социально-политической истории, языковых трансформаций и в тесной связи с православной культурой населения.

* Работа выполнена в рамках плановой темы Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН № 01201352515.

¹ Kirkinen H. Keitä karjalaiset ovat? // Nevalainen P., Sihvo H. Karjala: historia, kansa ja kulttuuri. Helsinki, 1998. S. 38—54.

Работа Оути Патронен продолжает исследовательскую традицию, заложенную ещё в начале XX в. основателем финляндской антропоники А. В. Форсманом и развитую на протяжении прошлого столетия работами В. Ниссиля, Э.-М. Нярхи, Э. Кивиниеми. Уже в наше время появились два фундаментальных труда Сиркки Пайккала и Пирьё Микконен, посвящённых становлению института фамилий в Финляндии в XIX—XX вв.² Исследование Оути Патронен подготовлено в их русле, однако автор справедливо замечает, что ситуация в Приладожье была значительно более сложной и многофакторной, ибо складывалась «на границе двух государств и трёх языков». Притом что у карелов с давних времён существовали родовые патронимы, лишь единицы из них получили вплоть до XIX в. официальный статус. Необходимость в идентификации человека по наследуемой фамилии появляется лишь по мере проникновения в традиционное крестьянское общество модернизационных процессов, когда человек оказывается в роли призывника в армию, налогоплательщика, землевладельца или, к примеру, подсудимого. Собственно, автор заостряет внимание именно на этих четырёх позициях, отмечая, что особое значение для развития системы фамилий сыграли межевые реформы, которые начались на территории шведской державы ещё в середине XVIII в. с так называемого великого передела (фин. *isojako*, шв. *storskiftet*), но происходили на территории Приграничной Карелии позднее, чем в других районах Финляндии, и завершились в большинстве волостей к рубежу XIX—XX столетий, при этом даже ко времени получения свидетельств на владение землёй в первые два десятилетия XX в. ещё не все землевладельцы имели официальную фамилию.

Структурно в исследовании выделяется две части. Первая вводит в тот историко-культурный контекст, в котором происходил процесс «фамилизации», вторая же анализирует непосредственно сам процесс становления фамилий. Самостоятельный исследовательский раздел представляет приложение — регистр фамилий приграничных карелов, включающий более 700 словарных статей, в каждой из которых содержатся сведения о происхождении фамилии, географии бытования, фиксации фамилии в документах XVII в. (в случае перехода традиционных патронимов в фамилию), время первой фиксации, а также первый носитель фамилии в метрических книгах XIX в.

В первых разделах исследования многогранное освещение получила политическая и культурно-историческая ситуация конца XIX — первых

² Paikkala S. Se tavallinen Virtanen: Suomalaisen sukunimikäytännön modernisoituminen 1850-luvulta vuoteen 1921. Helsinki, 2004; Mikkonen P. «Otti oikean sukunimen»: Vuosina 1850—1921 otettujen sukunimien taustat. Helsinki, 2013. URL: <http://urn.fi/URN:ISBN:978-952-10-9345-6> (16.11.2017).

десятилетий XX в. в Приграничной Карелии: образование учительской семинарии в Сортавале, решавшее задачу подготовки финских православных учителей и «искоренение ростков русскости», начало издания газеты «Laatokka» («Ладога»), создание сети школ — как русско-, так и финноязычных, деятельность церкви и т. д. Лейтмотив повествования — Приграничная Карелия между Россией и Финляндией, православным и лютеранским вероисповеданием, русским и финским языками. С точки зрения ономастики очень показательна ситуация с созданием своего календарного именника и постепенное закрепление финских форм календарных имён на месте русских: *Павел* заменяется на *Paavo* или *Paavali*, появляются *Johannes, Lauri, Helmi, Aili* и т. д. Процесс, начавшийся в последние два десятилетия XIX в., завершился в 1933 г. церковным указом, закреплявшим безусловное использование в православной среде Приладожской Карелии нового церковного именника. Закрытие границы в 1918 г. закономерно привело к усилению финского влияния на всех уровнях жизни населения. С ним сопряжены и две кампании по смене фамилий, из которых первая, организованная в 1933 г., проводилась целенаправленно среди карельского населения Приладожья, а вторая, пришедшаяся на 1934—1936 гг., — на всей территории Финляндии. По подсчётам автора, в ходе их проведения были изменены на финские более 700 фамилий, среди которых наряду с русскими оказались и имевшие карельские корни именованья (типа *Shemeikka* — *Шемейка, Kirnu, Bunda* и др.).

В двух отдельных разделах рассматриваются проблемы статуса карельского языка, а также этничности и этнического самосознания приграничных карелов. Автор обращает внимание на то, что вплоть до недавнего времени финляндская наука не выделяла их в отдельную этническую группу, при этом одним из главных препятствий был вопрос языка: традиционно и в финляндском языкознании, и в сознании чиновников язык приладожских карелов (за исключением ливвиковского диалекта Салми) считался либо диалектом финского языка, либо близким к нему образованием. Ситуация изменилась только в начале нынешнего века: в 2000 г. карелоязычное меньшинство признано в Финляндии политически, а в 2009 г. карельский язык получил статус языка национального меньшинства Финляндии. На рубеже XIX—XX вв. представления о собственной идентичности были у местных карелов весьма смутными, что проявилось наглядно и в ходе кампании по «фамилизации».

Во второй части исследования рассматривается «наречение» фамилиями жителей — преимущественно православных карелов — шести волостей (Суоярви, Корписелья, Суйстамо, Соанлахти, Импилахти и Салми), образывавших Салминский уезд. На самом деле, передающиеся из поколения в поколение патронимы или

неофициальные (в русской исследовательской практике используется также термин «уличные») фамилии, обусловленные особой системой права и землевладения, бытовали у карелов Приладожья уже в Средневековье, однако их фиксация в документах не носила сколько-нибудь последовательного характера. Первые фамилии в современном понимании этого слова появились в Приграничной Карелии в начале XIX в. и принадлежали перебравшимся из России церковнослужителям, мастерам и лишь в исключительных случаях местным карелам. Обзор газетного материала, приводимый в работе, свидетельствует о том, что почти столетие спустя, в начале XX в., карелы не очень понимали, что такое официальная фамилия, зато хорошо знали, что такое *haukkumanimi*, т. е. прозвище (в том числе и родовое), или *talonnimi*, т. е. название дома, в качестве которого закреплялось имя, отчество, прозвище (в том числе и родовое) владельца дома или его предка. Именно они и получали статус официальной фамилии, если только не выбиралось некое именование, предложенное в имевших тогда широкое бытование специально подготовленных списках модельных фамилий.

В проведённом исследовании по становлению системы официальных фамилий содержатся многие по-настоящему ценные наблюдения, основанные на сопоставительном анализе широкого материала: светских и церковных документов, периодической печати, целого списка изданных описаний отдельных поселений и волостей, материалов антропонимического архива, хранящегося в Центре национальных языков Финляндии, и т. д. Они убедительно доказывают, что православное население Приграничной Карелии нарекалось фамилиями по мере превращения его из земледельцев-арендаторов в крестьян, владеющих собственным земельным наделом. С позиций собственно ономастического контекста важен вывод о практической значимости процесса «фамилизации», которая ликвидировала тезоимённость и чётко идентифицировала человека как члена социума. Исследовательница останавливается также на идеологическом контексте этого процесса, ибо через выбор фамилий предпринимались попытки, с одной стороны, подчеркнуть принадлежность её носителя к финскому сообществу, с другой — сохранить карельскую идентичность. Анализ показывает, что для самого населения идеологическая и политическая сторона этого процесса была не актуальна. Об этом свидетельствует, к примеру, то, что карелы, не до конца понимавшие суть процесса, в целом индифферентно воспринимали произвол чиновников, самолично выбиравших им фамилию, однако одновременно и то, что в Приладожской Карелии очень незначителен процент искусственных фамилий типа *Virtanen* (*virta* 'течение реки'), *Laine* (*laine* 'волна'), которые предлагались как модельные в списках фамилий, разработанных в ходе кампании по наречению

фамилиями граждан Финляндии на рубеже XIX—XX столетий. При этом основная масса фамилий, как показали скрупулёзные подсчёты автора, восходит к традиционным календарным именам и прозвищам, независимо от того, имеют ли последние карельские, русские или финские истоки. Иначе говоря, результаты подтверждают основной тезис исследования Пирьё Микконен³: становление системы официальных фамилий у сельского крестьянского населения не было сопряжено с его национальным самосознанием, осознанием себя, принадлежащим к финской нации. На передний план выступали социальные и экономические причины, наречение фамилиями было обусловлено сугубо практическими нуждами. Именно этот процесс, происходивший в простонародной среде, а не более широко известная в контексте истории Финляндии смена фамилий интеллигенцией со шведских на финские, связанная с идеей национального возрождения, составлял ядро и суть «фамилизации».

Самостоятельный раздел работы посвящён составу фамильного континуума, включающего ряд подсистем, из которых наиболее значимы восходящие к неофициальным фамилиям, основанным, в свою очередь, на календарных (фин. *ristimänimet*) и некалендарных именах и прозвищах (в рецензируемой работе использован единый термин *lisänimet*).

Анализ нехристианского именованья, закрепившегося в фамилиях, позволил, в частности, подтвердить некоторые универсальные закономерности этой группы именованья, например, их пейоративный характер⁴ или метафорическое использование названий ряда кушаний для именованья умственно неполноценных людей. Однако в целом ряде случаев анализ истоков именованья ограничивается поиском первичной семантики слова, не выявляются мотивы номинации, основанные на метафорическом использовании слова. Анализируя фамилию *Komšša*, недостаточно констатировать, что в основе её соответствующая карельская лексема *komšša* 'берестяная или сделанная из дранки корзинка', для фамилии актуальна переносная семантика слова, которая реконструируется из *komššu/piä* 'большеголовый', букв. 'такой, у которого голова как корзина', *luu/komššu* 'ширококостный', букв. 'корзина с костями'⁵. Таких интерпретаций, не доведённых до уровня мотивации, в работе многие десятки (ср. фамилии, содержащие в основе названия животных, бытовых предметов, орудий труда и др.), что ослабляет научную ценность анализа и его результатов.

³ *Mikkonen P.* «Otti oikean sukunimen».

⁴ Именно эти фамилии подверглись переименованию в ходе кампании по смене фамилий в 1933 г.

⁵ *Федотова В. П.* Фразеологический словарь карельского языка. Петрозаводск, 2000. С. 86.

Выявляя истоки фамилий, восходящих к карельским вариантам календарных православных имён, О. Патронен опирается главным образом на известные исследования и списки таких карельских гипокористических образований, подготовленные в своё время зачинателем топонимической науки в Финляндии Вильё Ниссиля. Это, безусловно, исключительно ценный источник, однако он не единственный. В последние десятилетия в Карелии собран и проанализирован большой объём карельской антропонимии — как ливвиковской, так и собственно карельской. К сожалению, он оказался маловостребованным в рецензируемой работе. Упомяну, прежде всего, последние по времени исследования Д. Кузьмина⁶. С опорой на них могут быть внесены некоторые уточнения и дополнения в предложенные О. Патронен интерпретации. Так, для фамилии *Ahronen* важно учесть наряду с рус. *Аганий* также *Афанасей*, поскольку в олонецком именованье именно для него известен гипокоризм *Ahpoi*. Далее, фамилия *Houtsonen* может иметь в основе олонецкое *Ноуцо* — рус. *Хомей*, *Jaaronen*, *Jarkkonen* и *Jaroške* восходят, очевидно, к рус. *Герасим*, которое известно в севернорусских говорах как *Яра* и *Ярасим*. Предлагаемое В. Ниссиля сопоставление с *Ярослав* — именем редким и даже чуждым крестьянскому именованью — кажется в этом случае надуманным. В *Jetsonen* и *Jetschu*, видимо, воспроизводится карел. *Jeŋi* ← рус. *Евсей*, а в *Kuyrönen* — карел. *Kuyrö* ← рус. *Кирилл*. Стоит принять во внимание также такие зафиксированные в ливвиковском антропонимиконе карельские соответствия русских календарных имён, как *Нека* — *Фёдор*, *Hippi* — *Филипп*, *Kot'a* — *Константин*, *Joška* — *Егор* и др., не учтённые в рецензируемой работе. Кроме того, карельские варианты православных имён могут в ряде случаев лежать и в основе тех фамилий, которые интерпретированы автором исследования как основанные на прозвищах или некалендарных именах. Опираясь на соответствующие материалы по антропонимии Российской Карелии, кажется оправданным возводить салминскую фамилию *Konttinen* не к карельскому наименованию короба или заплечного мешка (карел. *kontti*), а к народному варианту мужского имени *Кондрат* (карел. *Kontti*, или *Konti*), суйстамскую *Virsu* — не к слову *virsu* ‘лапоть’, а к *Virsu*, карельской модификации русского календарного имени *Фирс*. Салминская фамилия *Graf* вряд ли имеет отношение к дворянскому титулу, в то время как возведение её к карельскому варианту календарного имени *Евграф* (или *Ографен*) вполне оправдано и вводит её в

⁶ Кузьмин Д. В. Христианские имена карелов // Вопросы ономастики. 2016. Т. 13, № 2. С. 56—86. URL: <http://onomastics.ru/content/2016-t-13-%E2%84%962-10> (25.11.2017); *Idem* (Kuzmin D.) Venäläisperäisten kristillisten etunimien adaptaatiosta karjalan kielessä // Ödagumeresuumlaisi nimeq — Läänemereseomlaste nimed — Names of Finnic people / toimöndanuq J. Sullööv. Võro, 2016. S. 166—183. URL: <http://wi.ee/wp-content/uploads/2017/06/Vtoiml6sisu.pdf> (15.11.2017).

один ряд с олонекской фамилией *Графовы*. Список может быть продолжен — но не для того, чтобы упрекнуть автора, а чтобы констатировать сложность, неоднозначность и малую изученность этого уникального пласта традиционной карельской культуры. Знаменательно, что О. Патронен и сама осознаёт слабые места в предложенных ею этимологических интерпретациях и обращает внимание на необходимость детального исследования православного карельского именователя. Я добавила бы к этому и необходимость более детального знакомства с российскими наработками — как словарями, так и исследованиями — по карельской антропонимике.

Собственно, аналогичное замечание может быть высказано и в связи с анализом фамилий с русскими истоками — такими как салминские *Koslonen* (из *Козлов*), *Vinokiuro* (*Винокуров*), *Grommi* (*Громов*) и др. В нём автор апеллирует к высказыванию известного исследователя русских фамилий Б. О. Унбегауна о том, что истоки их номинации обычно затемнены⁷. Однако книга Унбегауна, ставшая классической, вышла в свет почти полстолетия назад (1972 г.), и за это время ситуация в значительной степени изменилась, происхождение множества русских фамилий выяснено. За пределами внимания Оути Патронен остались многочисленные русскоязычные работы, из которых я выделила бы два важных в контексте данного исследования словаря личных имён, составленных А. В. Суперанской и И. А. Кюршуновой⁸. В последнем, в частности, выявляются корни целого ряда фамильных прозваний, отмеченных в письменных документах XV—XVII вв. по территории Карелии и восходящих к некалендарному именователю. Отмечу в качестве примера некоторые интерпретации, которые, как мне представляется, допускают иные, чем предложенные в рецензируемой работе (с. 216—217) этимологии. Так, истоки фамилии *Липицин* вряд ли стоит вслед за В. Ниссиля возводить к наименованию дерева (липа), хотя бы потому, что мужское имя *Липа* — это гипокористический вариант календарных имён *Алипий*, *Филипп* и т. п.⁹ Кроме того, следует принять во внимание и карел. *Липичча* — производное от *Липти*, которое, в свою очередь, является карельским народным вариантом православного календарного *Филипп*. Фамилию *Лютиков* логичнее с позиций номинации возводить не к наименованию цветка лютик, а к производному от русской

⁷ *Unbegaun B. O.* Russian Surnames. Oxford, 1972. P. 183. См. рус. пер.: *Унбегаун Б. О.* Русские фамилии / пер. с англ.; общ. ред. Б. А. Успенского. М., 1989. С. 146.

⁸ *Суперанская А. В.* Современный словарь личных имён: Сравнение. Происхождение. Написание. М., 2005; *Кюршунова И. А.* Словарь некалендарных личных имён, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV—XVII вв. СПб., 2010.

⁹ *Суперанская А. В.* Современный словарь личных имён. С. 29, 145, 224.

основы *лют-* (*лютый, лютовать*) с семантикой ‘злой, яростный’¹⁰, точно так же как фамилия *Сорокин* лишь опосредованно связана с лексемой ‘сорока’ — через её переносное значение ‘болтливый человек, пустоплёт’¹¹. При этом основная часть именованных интерпретирована корректно.

В книге Оути Патронен, таким образом, представлена одна из интересных и важных страниц в истории Финляндии — формирование института фамилий. Он имел свои особенности на востоке страны. Проведённое на обширном материале исследование убедительно доказало, что подавляющее большинство сформировавшегося континуума официальных именованных имело в Приграничной Карелии карельские истоки. Собственно, в значительной степени была воспроизведена, но на новом, официальном уровне, традиционная для территории восточной Финляндии, в том числе и карельского Приладожья, система родовых патронимов и названий домов. Эта «карельскость» была затем во многом разрушена в последующее десятилетие в ходе двух кампаний по смене фамилий. Финнизация же выражалась на языковом уровне в оформлении многих фамилий по восточно-финскому образцу (например, активное использование саволакского форманта *-nen*), в корректировке фонетического облика и сближении его с финским, в отказе от русских формантов *-off* и *-in*. Впрочем, как свидетельствует проведённое исследование, финнизация имела и более широкий, социальный, смысл и маркировала проникновение в достаточно замкнутое крестьянское карельское сообщество модернизационных процессов, включение его в новые общественные отношения и государственный контекст.

Список литературы

Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. — Москва : Рипол классик, 2006. — Т. IV. Р — Я. — 669 с.

Кузьмин, Д. В. Христианские имена карелов / Д. В. Кузьмин // Вопросы ономастики. — 2016. — Т. 13, № 2. — С. 56—86. — URL: <http://onomastics.ru/content/2016-t-13-%E2%84%962-10>. — (25.11.2017).

Кюршунова, И. А. Словарь некалендарных личных имён, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV—XVII вв. / И. А. Кюршунова. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2010. — 667 с.

¹⁰ *Кюршунова И. А.* Словарь некалендарных личных имён, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV—XVII вв. С. 325—326.

¹¹ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 2006. Т. IV. Р — Я. С. 275.

Суперанская, А. В. Современный словарь личных имён: Сравнение. Происхождение. Написание / А. В. Суперанская. — Москва : Айрис-Пресс, 2005. — 375 с.

Федотова, В. П. Фразеологический словарь карельского языка / В. П. Федотова. — Петрозаводск : Карелия, 2000. — 260 с.

Унбегаун, Б. О. Русские фамилии / Б. О. Унбегаун ; пер. с англ. ; общ. ред. Б. А. Успенского. — Москва : Прогресс, 1989. — 443 с.

Kirkinen, H. Keitä karjalaiset ovat? / H. Kirkinen // Nevalainen P., Sihvo H. Karjala: historia, kansa ja kulttuuri. — Helsinki : SKS, 1998. — S. 38—54.

Kuzmin, D. Venäläisperäisten kristillisten etunimien adaptaatiosta karjalan kielessä / D. Kuzmin // Õdagumeresuumlasi nimeq — Läänemeresoomlaste nimed — Names of Finnic people / toimõndanuq J. Sullõv. — Võro : Võro Instituut, 2016. — S. 166—183. — (Võro Instituudi toimõndusõq 30). — URL: <http://wi.ee/wp-content/uploads/2017/06/Vtoim16sisu.pdf>. — (15.11.2017).

Mikkonen, P. «Otti oikean sukunimen»: Vuosina 1850—1921 otettujen sukunimien taustat / P. Mikkonen. — Helsinki : Helsingin yliopisto, 2013. — 451 s. — URL: <http://urn.fi/URN:ISBN:978-952-10-9345-6>. — (16.11.2017).

Paikkala, S. Se tavallinen Virtanen. Suomalaisen sukunimikäytännön modernisoituminen 1850-luvulta vuoteen 1921 / S. Paikkala. — Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2004. — 309 s.

Unbegaun, B. O. Russian Surnames / B. O. Unbegaun. — Oxford : Clarendon Press, 1972. — 529 p.